

В юридической литературе имеется ряд классификаций субъектов административной юрисдикции, в основе которых лежат различные критерии. Согласно одной из наиболее распространенных из них субъекты административной юрисдикции классифицируются по способу принятия решения: коллегиальные (административные комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних), индивидуальные (руководители контрольно-надзорных органов, другие уполномоченные лица); по компетенции рассмотрения дел: общей компетенции (судья), специальной компетенции (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав), отраслевой компетенции (должностные лица государственной противопожарной службы); по порядку образования: выбираемые (административные комиссии), назначаемые.

Дополнением предложенной классификации может стать дифференциация субъектов административной юрисдикции, основанная на анализе ст. 3.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Исходя из ее содержания, органы уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, можно разделить на суд и государственные органы системы исполнительной власти. В числе последних местные исполнительные и распорядительные органы и органы, созданные на их основе (сельские, поселковые исполнительные комитеты; административные комиссии районного (городского) исполнительного комитета или администрации района в городе; районные (городские), районные в городах комиссии по делам несовершеннолетних; органы внутренних дел; органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь и др.).

Дифференциация субъектов, осуществляющих административно-юрисдикционные функции, может быть произведена и на основе роли и места административно-юрисдикционных полномочий в системе возложенных на них задач. Исходя из этого критерия, их можно разделить на государственные органы, для которых осуществление административно-юрисдикционной деятельности является одной из основных задач (суд, органы внутренних дел), органы, для которых осуществление административно-юрисдикционной деятельности не является одной из основных задач (все иные органы, включенные в ст. 3.1).

Кроме того субъекты, осуществляющие административно-юрисдикционную деятельность, могут быть разделены на субъекты, осуществляющие ее в полном объеме (рассмотрение дела и принятие по нему решения), и субъекты, осуществляющие административно-юрисдикционную деятельность в усеченном объеме. Полномочия последних ограничиваются подготовкой дела об административном правонарушении к рассмотрению, а точнее, составлением протокола об административном правонарушении. Перечень этих субъектов содержится в ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Изучение задач и функций органов, наделенных административно-юрисдикционными полномочиями, позволяет выделить в отдельную группу органы, осуществляющие контрольную и надзорную деятельность. Статус данных государственных органов как самостоятельной группы обусловлен их многочисленностью (они указаны в гл. 3 ПИКоАП).

УДК 342.9

И.А. Мозалевский

ПОНЯТИЕ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

В любом государстве существует множество норм, регулирующих общественные отношения, однако если эти нормы реализуются не в полном объеме, а средства убеждения и воспитания не достигают желаемого результата, государство в лице правоохранительных органов вынуждено применять принудительные меры воздействия, в том числе административное принуждение, которое следует рассматривать как сложное родовое явление, включающее в себя отличающиеся друг от друга по различным основаниям (признакам) группы принудительных мер.

Административное принуждение является особым видом государственного принуждения, имеющим своим назначением охрану общественных отношений, складывающихся в сфере государственного управления, административно-принудительными средствами, применяемыми компетентными органами государства и их должностными лицами.

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях содержит отдельную главу, детально регламентирующую меры обеспечения административного процесса. Основным назначением названных мер административного принуждения, как видится, является обеспечение оптимальных условий для доказывания и исполнения назначенного наказания.

В то же время ст. 1.4 ПИКоАП не содержит термина «мера (меры) обеспечения административного процесса», а гл. 8 частично разъясняет сущность данных мер через призму целей их применения.

Отсутствие нормативно закрепленного определения мер обеспечения административного процесса порождает субъективно различное понимание рассматриваемого правового явления в юридической литературе.

По мнению Б.В. Российского, данные действия осуществляются только в процессе возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях.

В своем определении А.И. Дворяк утверждает, что меры обеспечения административного процесса направлены на пресечение самой возможности совершения определенных правонарушений физическим или юридическим лицом, а также ориентированы на восстановление нарушенных интересов личности и государства и создание условий, обеспечивающих реализацию норм материального права.

Ю.В. Помогалова рассматривает в качестве мер обеспечения административного процесса действия, осуществляемые при наступлении обстоятельств, указанных в законе, направленные на пресечение правонарушений, обнаружение и фикса-

цию доказательств, создание иных условий для объективного, всестороннего и полного рассмотрения дела об административном правонарушении.

По мнению Ю.Н. Милынина, данные меры применяются с целью обеспечения нормального хода производства по делу и носят обеспечительный и пресекающий характер.

И.Л. Федчук утверждает, что применение рассматриваемых мер имеет основной задачей обеспечение нормального хода административного процесса и возможно как в процессе совершения административного правонарушения, так и после его совершения.

А.Н. Крамник считает, что применение мер обеспечения административного процесса не связано исключительно с совершением административных правонарушений, поскольку они также могут применяться и в связи с совершением деяний, содержащих признаки преступлений.

Л.М. Рязцев полагает, что данные меры применяются компетентными органами и их должностными лицами с обязательным соблюдением строгой процессуальной формы.

По нашему мнению, формулирование понятия мер обеспечения административного процесса возможно через анализ их системы, подходов к классификации, определение их правовой природы и сущностных характеристик, а также целей и особенностей применения.

Полагаем, что меры обеспечения административного процесса, исходя из их видов, характера и содержания, целей применения, можно классифицировать на следующие три основные группы: меры, направленные на установление личности участников административного процесса и обеспечение их участия в административном процессе; меры, направленные на создание условий для рассмотрения дела об административном правонарушении; меры обеспечения исполнения административных взысканий. Данная классификация наиболее полно отражает суть и целевое назначение мер обеспечения административного процесса.

Таким образом, исходя из отечественных и зарубежных подходов к определению понятия и предложенной нами классификации, меры обеспечения административного процесса можно определить как применяемую компетентными органами и их должностными лицами урегулированную Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях систему принудительных мер, направленных на пресечение правонарушений, установление личности участников административного процесса, создание условий для рассмотрения дела об административном правонарушении и обеспечение исполнения административных взысканий.

УДК 342.95

С.А. Никель

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ: ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В настоящее время не представляется возможным сделать вывод о результативности административно-деликтных норм в сфере антинаркотического законодательства и их эффективном профилактическом воздействии. Анализ статистических сведений демонстрирует очевидные негативные тенденции: в условиях ежегодного уменьшения числа пациентов с впервые установленным диагнозом «наркомания» с 1 889 человек в 2010 г. до 525 человек в 2018 г. и сокращения численности субъектов, привлеченных к административной ответственности по ч. 4–6 ст. 17.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов остается неизменно высоким (2017 г. – 5 481, 2018 г. – 4 983), а объем преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, свидетельствует об отрицательной динамике: 1 179 преступлений в 2010 г., 1 750 в 2018 г., из которых около 25 % особо тяжкие.

По данным Национального статистического комитета, численность пациентов, состоявших под наблюдением в организациях здравоохранения с диагнозами «наркомания», «токсикомания», в 2011–2018 гг. в среднем составляла около 11,5 тыс. человек в год, а по сведениям главного управления по наркоконтролю и противодействию торговле людьми МВД, по состоянию на 31 мая 2019 г. в Республике Беларусь около 88,5 тыс. человек зависимы от наркотических средств, психотропных веществ.

В данном контексте парадоксальной представляется ситуация, когда в рамках обеспечения общего запрета на потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов административно-правовой запрет наложен лишь на потребление наркотических средств или психотропных веществ в общественном месте без назначения врача-специалиста, на появление в общественном месте в состоянии, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, вызванном их потреблением без назначения врача-специалиста, на нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии, вызванном потреблением без назначения врача-специалиста наркотических средств или психотропных веществ либо потреблением их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

Иными словами, приоритетным в настоящее время является подход законодателя, в рамках которого охрана общественных отношений, складывающихся в сфере общественного порядка, общественной нравственности, обеспечения режима трудовой дисциплины превалирует над защитой здоровья конкретного субъекта, потребляющего наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, или их аналоги, вне зависимости от места совершения данного деяния.